ТЮТЧЕВІАНА

ЭПИГРАММЫ
АФОРИЗМЫ
И ОСТРОТЫ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА

ПРЕДИСЛОВІЕ
ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА

ИЗД.
«КОСТРЫ»
МОСКВА
1922

Отпечатано въ 16-й типографіи М. С. Н. Х. (бывш. А. А. Левенсонъ) въ количествѣ 2000 экземпляровъ, изъ числа коихъ двѣнадцать нумерованныхъ и именныхъ.

Обложка В. П. Бѣлкина, марка — Н. Н. Вышеславцева.

Р. Ц. Москва. № 1641.

ТЮТЧЕВІАНА.

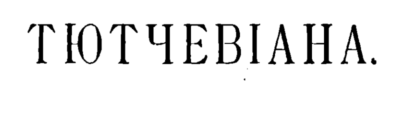
ЭПИГРАММЫ,
АФОРИЗМЫ И ОСТРОТЫ
Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА.

КОСТРЫ—МОСКВА.
1922.

Печати-русской доброхоты,
Какъ всѣми вами, Господа,
Тошнитъ её — но, вотъ бѣда,
Что дѣло не дойдетъ до рвоты.

Куда сомнительно мнѣ твой,
Святая Русь, прогрессъ житейской!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сдѣлалась лакейской.

ТЮТЧЕВІАНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Современники Ѳ. И. Тютчева чувствовали въ немъ поэта и необыкновеннаго человѣка, но прежде всего ихъ поражалъ и восхищалъ его острый умъ. Л. Н. Толстой ѣхалъ однажды въ гости къ Фету и встрѣтилъ гдѣ-то на маленькой станціи Тютчева, бесѣдовалъ съ нимъ и потомъ никакъ не могъ забыть этой встрѣчи, этого „глубоко настоящеумнаго старика". И кому довелось его знать лично, всѣ повторяютъ, что Тютчевъ былъ необычайно уменъ: кн. П. А. Вяземскій, А. И. Тургеневъ, И. В. Кирѣевскій, И. С. Аксаковъ, М. П. Погодинъ, В. А. Жуковскій, гр. В. А. Соллогубъ, всѣ, рѣшительно всѣ... Умеръ Тютчевъ—и И. С. Тургеневъ въ письмѣ къ Фету изъ Буживаля отъ 21 августа 1873 года прежде всего вспоминаетъ объ умѣ Тютчева: „Милый, умный, какъ день умный, Ѳедоръ Ивановичъ! Прости—прощай!"

Европейцы восхищались его умомъ такъ же, какъ и соотечественники. Шеллингъ былъ нерѣдкимъ собесѣдникомъ Тютчева. Гейне дорожилъ своимъ знакомствомъ съ поэтомъ. Варнгагенъ-фонъ-Энзе записывалъ въ своемъ дневникѣ его мысли и мнѣнія. Баронъ Пфеффель, шуринъ поэта, пишетъ въ одномъ частномъ письмѣ о Тютчевѣ, въ эпоху его Мюнхенской жизни: „Nous subissons le charme de ce merveilleux esprit". И. В. Кирѣевскій писалъ о Тютчевѣ изъ Мюнхена весною 1830 года, когда поэту было двадцать семь лѣтъ: „У насъ такихъ людей европейскихъ можно счесть по пальцамъ". Гр. В. А. Соллогубъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о Тютчевѣ: „Онъ сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, окруженный очарованными слушателями и слушательницами. Много мнѣ случалось на моемъ вѣку разговаривать и слу-

шать знаменитыхъ разсказчиковъ, но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого чарующаго впечатлѣнія, какъ Тютчевъ. Остроумныя, нѣжныя, колкія, добрыя слова, точно жемчужины, небрежно скатывались съ его устъ..." „Когда онъ начиналъ говорить, разсказывать, всѣ мгновенно умолкали, и во всей комнатѣ только и слышался голосъ Тютчева; я думаю, что главною прелестью Тютчева въ этомъ случаѣ было то, что разсказы его и замѣчанія, coulaient de source, какъ говорятъ французы; въ нихъ не было ничего приготовленнаго, выученнаго, придуманнаго..." Князь С. М. Волконскій разсказывалъ намъ, что онъ помнитъ Ѳ. И. Тютчева. Онъ помнитъ, что появленіе Тютчева въ гостиной всегда вызывало въ обществѣ пріятное волненіе. Кн. С. М. Волконскому было тогда восемь лѣтъ. Ему врѣзалась въ память фигура поэта: Ѳ. И. Тютчевъ, стоя у камина, въ небрежно повязанномъ галстукѣ, съ тонкими, всклокоченными волосами на головѣ, читалъ стихи, восхищая слушателей.

Въ салонахъ, кажется, острословіе Тютчева цѣнили не менѣе, чѣмъ его поэзію. Кн. П. А. Вяземскій предлагалъ составить „Тютчевіану" и называлъ поэта „жемчужноустомъ". Послѣ смерти поэта въ „Русскомъ Архивѣ" стали появляться воспоминанія о немъ. Живое преданіе сохранило нѣкоторыя остроты Ѳ. И. Тютчева. Въ послѣднемъ собраніи сочиненій поэта отведено три страницы „Тютчевіанѣ". Предлагаемое вниманію читателей собраніе остротъ и афоризмовъ Тютчева составлено внуками поэта—Ѳедоромъ Ивановичемъ и Николаемъ Ивановичемъ Тютчевыми и внучкой поэта, Екатериною Ивановною Пигаревой. Оно сдѣлано по печатнымъ источникамъ и по матеріаламъ семейнаго архива. Часть собраннаго здѣсь матеріала нигдѣ ранѣе не была опубликована. Драгоцѣннымъ украшеніемъ этой книжки служатъ эпиграммы и стихотворныя шутки поэта, впервые появляющіяся въ печати. Правда, не всѣ онѣ равнаго достоинства, одну изъ нихъ даже приходится отнести къ категоріи dubia, но, по счастью, имѣются и такія жемчужины, достовѣрность коихъ можно установить не только потому, что онѣ написаны рукою поэта, и по другимъ косвеннымъ соображеніямъ: въ нихъ чувствуется его стиль, его манера, его острая мысль.

Эпиграммы Тютчева посвящены политикѣ. Въ нихъ цѣлая философія исторіи. По нимъ можно конструировать его политическое міросозерцаніе. Отношеніе къ Западу, къ парламентаризму, къ восточному вопросу, къ національной проблемѣ—вотъ каковы темы его эпиграммъ. Эпиграмма-эпитафія на императора Николая представляетъ исключительный интересъ. Шестьдесятъ пять лѣтъ она оставалась неизвѣстной русскому обществу, но ея сарказмъ и ея вѣщій смыслъ не утратили своего значенія и въ наши дни.

Возникаетъ невольно вопросъ, могъ ли Ѳ. И. Тютчевъ, монархистъ и патріотъ, близкій по своимъ взглядамъ славянофиламъ, произнести такой суровый и безпощадный приговоръ покойному императору. Я полагаю, что въ устахъ поэта эпиграмма эта вовсе не является неожиданной. Онъ прекрасно видѣлъ совершенное несоотвѣтствіе тогдашней дѣйствительности съ тѣмъ романтическимъ идеаломъ, который занималъ его мысли и воображеніе. Въ дни опубликованія манифеста о восшествіи на престолъ императора Александра II Тютчевъ писалъ барону Пфеффелю: „Подавленіе мысли уже давно было руководящимъ принципомъ нашего правительства. Послѣдствія подобной системы не могутъ имѣть ни границъ, ни предѣловъ. Ничто не было пощажено. На всемъ отразилось это давленіе. Всѣ безъ исключенія одурѣли“. По поводу Севастопольской катастрофы Тютчевъ писалъ объ императорѣ Николаѣ: „Чтобы создать такое безвыходное положеніе, нужна была чудовищная глупость („la monstrueuse ineptie“) этого злополучнаго человѣка“. Вотъ мнѣніе поэта объ императорѣ. Заключительная строка эпиграммы: „Ты былъ не царь, а лицедѣй“—напоминаетъ послѣднюю строку Пушкинской эпиграммы на Александра І-го—„Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ“. Въ этой оцѣнкѣ поэтами двухъ представителей Романовской династіи есть что-то пророческое.

Афоризмы Ѳ. И. Тютчева всегда своеобразны и тонки. Но примѣчательно и значительно, что среди остроумныхъ словечекъ и шутокъ мы находимъ иногда такіе намеки, которые вдругъ уводятъ насъ за предѣлы тогдашнихъ салоновъ, и мы видимъ таинственное лицо дивнаго поэта.

Въ Петербургѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ великосвѣтскихъ гостиныхъ была въ модѣ игра въ „вопросы и отвѣты“ („Le jeu du secrétaire“). Ѳ. И. Тютчеву, какъ участнику такой игры, задали однажды вопросъ—„Quel est le but de la vie, si ce n'est le secrétaire?“ — Поэтъ отвѣтилъ: „Cette vie n'est que la moitiè du jeu, car elle n'est qu'une question dont la réponse est ailleurs“. Въ этомъ отвѣтѣ весь Тютчевъ: за улыбчивой шуткой таится мудрецъ.

Георгій Чулковъ.

P. S. Мы печатаемъ эпиграммы Ѳ. И. Тютчева, строго сохраняя орѳографію и пунктуацію подлинника, такъ какъ эти эпиграммы, до сего времени неопубликованныя, являются матеріаломъ, подлежащимъ изученію въ связи съ исторіей текста. Дабы не пестрить книги разнообразіемъ буквенныхъ начертаній, мы печатаемъ предисловіе и примѣчанія также по правописанію XIX вѣка.

Октябрь 1921.
Москва.

I.

Не Богу ты служилъ и не Россіи,
Служилъ лишь суетѣ своей,
И всѣ дѣла твои, и добрыя и злыя,—
Все было ложь въ тебѣ, все призраки пустые:
Ты былъ не царь, а лицедѣй.

II.

Надъ Россіей распростертой
Всталъ, внезапною грозой—
Петръ, по прозвищу четвертый
Аракчеевъ же второй.

III.

Когда разстроенный кредитъ
Не бьется кое-какъ—
А просто на мели сидитъ
Сидитъ себѣ какъ ракъ—
Кто жъ тутъ спасетъ, кто пособитъ?
Ну кто жъ, коль не морякъ.

IV.

Печати русской доброхоты,
Какъ всѣми вами, господа,
Тошнитъ ее—но, вотъ бѣда,
Что дѣло не дойдетъ до рвоты

V.

Куда сомнителенъ мнѣ твой,
Святая Русь, прогрессъ житейской!
Была крестьянской ты исбой—
Теперь ты сдѣлалась лакейской.

VI.

Не знаешь, что лестнѣй для мудрости людской
Иль вавилонскій столпъ нѣмецкаго единства—
Или французскаго безчинства
Республиканскій хитрый строй!..

VII.

Затѣю этого разсказа
Опредѣлить мы можемъ такъ:
То грязный русскій нашъ кабакъ
Придвинутъ къ высотамъ Кавказа.

1862.

VIII.

Князю Вяземскому.

Есть телеграфъ за неимѣньемъ ногъ,
Неси онъ къ Вамъ мой стихъ полубольной.
Да сохранитъ васъ милосердный Богъ
Отъ всякихъ дрязгъ, волненій и тревогъ
И отъ безсонницы ночной.

[28 іюня 1865].

IX.

[Четверостишіе, выгравированное на салфеточномъ кольцѣ въ формѣ ошейника, поднесеннаго въ день Новаго Года Эрнестинѣ Өеодоровнѣ Тютчевой собакой ея Ромпомъ]:

Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ счастьемъ,
Съ постоянною удачей:
Вотъ привѣтъ любви собачьей,
Ты прими его съ участьемъ.

X.

Il faut qu'une porte
Soit ouverte ou fermée
Vous m'embetez, ma bien-aimée
Et que le diable vous emporte.

XI.

Ah quelle méprise—
Incroyable et profonde.
Ma fille rose, ma fille blonde
Qui veut se faire soeur grise.

XII.

23 février 1861.

La vielle Hecube, hélas, trop longtemps eprouvèe,
Apres tant de revers et de calamités,
Se réfugie enfin, reposée et lavée,
Sous l'abri protecteur de vos jeunes bontés.

XIII.

Вольфсону.

Недаромъ русскіе ты съ дѣтства помнилъ звуки
И ихъ сберегъ въ себѣ сочувствіемъ живымъ—
Теперь для двухъ міровъ, на высотѣ науки,
Посредникомъ стоишь ты мировымъ.

XIV.

Какъ безтолковы числа эти,
Какой сумбуръ въ календарѣ;
Теперь зима ужъ на дворѣ,
А мнѣ вотъ довелось во всемъ ея разцвѣтѣ,
Въ ея прелестнѣйшей порѣ
Привѣтствовать Весну лишь въ позднемъ ноябрѣ.

XV.

Когда-то я была маіоромъ,
Тому ужъ много, много лѣтъ—
И вы мнѣ въ будущемъ сулили
Блескъ генеральскихъ эполетъ—
Въ какомъ теперь служу я чинѣ,
Того не вѣдаю сама—
Но къ вамъ прошусь я въ ординарцы,
Фельдмаршалъ Русскаго Ума.

XVI.

Изъ книги „Le jeu du secrétaire“ (questions et réponses) joué à St.-Pétersbourg les années 1855 à 1859.

Отвѣты Ө. И. Тютчева.

1. Une pomme cuite quelles émotions peut elle avoir?
De très mélancoliques, au souvenir du temps, où elle était fraiche.
2. Les avares datent ils de la migration des peuples?
Ils l'auraient empêchée, pour ménager leurs pas.
3. D'où viennent les grandes pensées?
Vauvenargues disait, qu'elles viennent du coeur, mais il serait plus curieux de savoir, où elles vont.
4. Que veut dire: mettre une jolie femme dans l'embarras?
C'est la mettre dans ses petits souliers, si elle a le pied un peu gros.
5. Pourquoi faut-il faire un voeu, quand on voit filer une étoile?
C'est que, si on se donnait plus de temps à former des voeux, on n'en sortirait plus.
6. Quel est le but de la vie, si ce n'est le secrétaire?
Cette vie n'est que la moitié du jeu car elle n'est qu'une question dont la réponse est ailleurs.
7. Pourquoi le Destin est il aveugle?
Il ne le serait point, si en ce moment il était assis à ma place.
8. Une étoile, voit elle qui elle guide?
Oui, si elle daigne y regarder.
9. Si Vous étiez devant l'inquisition, que diriez Vous?
Ce que je n'oserai Vous avouer.
10. Le coeur peut il être surpris, et peut il être repris?
C'est un repris de justice!
11. Croyez Vous aux présages?
Beaucoup plus qu'aux oracles.
12. Une marmite, fait elle bon ménage avec un chaudron?
Oui, puisque c'est un mariage de convenance.

13. Seriez Vous capable de me faire une niche?
Oui, si Vous étiez une sainte.

14. Est-il toujours plus agréable de se faire attendre, que d'attendre?
Si c'est la mort—non.

15. Qu'a étudié le premier savant?
Ce que le dernier ne saura pas.

16. Quelle analogie entre un buisson de roses et un buisson d'écrevisses?
C'est la différence du rose au rouge.

17. A quoi bon un crayon?
De son crayon inimitable
Pour mériter un mot, une virgule, un trait
Un diable se convertirait,
L'ange se donnerait au diable.

18. Qui a inventé le mariage?
Quelqu'un qui ne s'est pas soucié de demander un brevet d'invention!

XVII.

Разсказы современниковъ о Ѳ. И. Тютчевѣ.

1.

Надежда Сергѣевна Акинфьева, рожденная Анненкова, проживала въ С.-Петербургѣ въ одномъ домѣ съ дядей своимъ, канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, причемъ квартира ея помѣщалась въ верхнемъ этажѣ. Въ то время за ней ухаживалъ герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, за котораго она впослѣдствіи вышла замужъ подъ фамиліей графини де-Богарнэ. Графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ разсказывалъ, что однажды онъ былъ приглашенъ съ Тютчевымъ на обѣдъ къ князю Горчакову. Когда они поднимались по лѣстницѣ, ихъ обогналъ герцогъ Лейхтенбергскій. Передъ началомъ обѣда лакей доложилъ князю, что „у Надежды Сергѣевны мигрень и онѣ кушать не будутъ“.—„Nous avons vu monter la migraine“, обращаясь къ Олсуфьеву, шепнулъ Тютчевъ. (Сообщено графомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ).

2.

Un soir une belle dame dit à Tutchef: „je lis l'histoire de Russie“—„Madame, Vous m'étonnez beaucoup“.—„Je lis l'histoire de Catherine II“.—„Cela ne m'étonne plus du tout“. (Какъ-то вечеромъ одна прекрасная дама сказала Тютчеву: „Я читаю исторію Россіи“.— „Сударыня, Вы меня очень удивляете“. —„Я читаю исторію Екатерины II“.—„Я уже больше не удивляюсь“).

3.

Тютчевъ говорилъ Турецкому послу въ Петербургѣ, урожденному греку: „Votre souverain se trouve placé entre deux sacrements: le baptême et l'extrême onction“. (Вашъ государь находится между двумя таинствами: крещеніемъ и соборованіемъ).

4.

Дарья Θеодоровна Тютчева разсказывала, что однажды въ обществѣ при Тютчевѣ говорили о стихахъ одного посредственнаго поэта. „Ce ne sont pas des vers, ce sont des versmisseaux“, замѣтилъ Тютчевъ.

XVIII.

Изъ письма князя Ивана Сергѣевича Гагарина къ А. Н. Бахметевой.

1.

„Припоминаю, что въ 1834 г., въ бытность мою въ Карлсбадѣ, до меня дошли слухи о томъ, что Тютчевъ былъ поднятъ безъ сознанія въ Мюнхенѣ, въ Гофгартенѣ. По возвращеніи въ Мюнхенъ, я спросилъ его, что это значило. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ: „Un jour Votre oncle m'invita à diner. Je crus que c'ètait pour six heures, j'arrivai au moment où on se levait de table. Je ne dinai donc pas. Le lendemain ma femme était absente, il n'y avait personne pour commander le diner, je m'en passai. Le troisième jour j'avais perdu l'habitude de diner, mais mes forces me trahirent et j'eus une défaillance au Hofgarten“. (Однажды Вашъ дядя пригласилъ меня обѣдать, я

думалъ, что къ шести часамъ, и пришелъ въ ту минуту, когда вставали изъ-за стола. Итакъ, я не обѣдалъ. На другой день жена моя отсутствовала, некому было заказать обѣдъ, и я безъ него обошелся. На третій день я потерялъ привычку обѣдать, но силы мнѣ измѣнили и я лишился чувствъ въ Гофгартенѣ).

2.

Былъ ли Тютчевъ въ Петербургѣ во время смерти Пушкина, или пріѣхалъ вскорѣ послѣ, касательно этого вопроса я не могу разобраться въ своихъ воспоминаніяхъ. Знаю только навѣрное, что онъ тамъ былъ во время процесса Дантеса-Геккерена. Тютчевъ очень тяготился Петербургомъ и только и мечталъ о возможности вернуться за границу. Часто онъ говорилъ мнѣ: „je n'ai pas le heimweh, mais le herausweh“ („у меня не тоска по родинѣ, а тоска по чужбинѣ“). Итакъ, однажды я встрѣчаю Тютчева на Невскомъ проспектѣ. Онъ спрашиваетъ меня, какія новости; я ему отвѣчаю, что военный судъ только что вынесъ приговоръ Геккерену. „A quoi est il condamné?“.—„Il sera renvoyé à la frontiére sous la garde d'un feldjäger“.—„En êtes Vous bien sûr?“—„Parfaitement sûr“.—„Пойду, Жуковскаго убью“.

XIX.

Петербургскому свѣтскому обществу памятны почтенныя старыя дѣвицы, сестры Смирновы, по матери своей онѣ были знатнаго рода. Онѣ жили гостепріимно, и въ теченіе многихъ лѣтъ у нихъ собирались представители какъ служебной іерархіи, такъ и вообще образованности. Напримѣръ, князя П. А. Вяземскаго онѣ называли просто Петрушей. Внезапно домъ ихъ закрылся для многочисленныхъ посѣтителей. Дѣло въ томъ, что онѣ имѣли слабость пріобрѣсти какихъ-то ненадежныхъ акцій и дать денегъ знаменитой игуменіи матери Митрофаніи. Кто-то спросилъ у Ѳ. И. Тютчева, что сталось съ Смирновыми. Онъ отвѣчалъ: „Elles ont perdu à la baisse“, т.-е. онѣ разорились отъ пониженія курса и отъ игуменіи.

XX.

Разъ на вечерѣ у Зыбиной (Альбединской) по обыкновенію было очень оживленно и весело. Хозяйка сообщила гостямъ, что они въ послѣдній разъ собираются у нея въ этой квартирѣ, такъ какъ Сольскій, домовладѣлецъ, объявилъ ей, что изъ ея квартиры онъ собирается сдѣлать свою канцелярію. Тютчевъ, сидѣвшій въ углу и до тѣхъ поръ ничего не сказавшій, вдругъ отчеканилъ: „Là, où régnaient les Muses, règneront les museaux“, и, конечно, всѣхъ разсмѣшилъ.

XXI.

Князь В. П. Мещерскій, издатель газеты „Гражданинъ“, посвятилъ одну изъ своихъ безчисленныхъ и малограмотныхъ статей „дурному вліянію среды“.—„Не ему бы дурно говорить о дурномъ вліяніи среды“, сказалъ Тютчевъ, „онъ забываетъ, что его собственныя среды заѣдаютъ посѣтителей“. Князь Мещерскій принималъ по средамъ.

Когда канцлеръ князь Горчаковъ сдѣлалъ камеръ-юнкеромъ Акинфьева (въ жену котораго былъ влюбленъ), Тютчевъ сказалъ: „Le Prince Gortchakoff ressemble aux sacrificateurs anciens, qui doraient les cornes de leurs victimes“. (Князь Горчаковъ походитъ на древнихъ жрецовъ, которые золотили рога своихъ жертвъ).

XXII.

Графъ Бейстъ пользовался нѣкогда громкой извѣстностью, будучи саксонскимъ министромъ. Ѳ. И. Тютчевъ въ дѣйствіяхъ Бейста видѣлъ довольно легкомыслія. Объ этомъ говорили въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ послѣ обѣда. Кто-то, принимая чашку съ кофеемъ, отличнаго саксонскаго фарфора, сталъ любоваться ея легкостью. „En fait de Saxe leger il n'y a que Beist“, замѣтилъ Тютчевъ. (По части саксонской легкости нѣтъ выше Бейста).

XXIII.

Когда князь Горчаковъ прочелъ Тютчеву черновикъ депеши по поводу вмѣшательства иностранныхъ кабинетовъ во время послѣдняго Польскаго мятежа, Тютчевъ, находя ее недостаточно энергичной, сказалъ ему слѣдующія слова: „Mon Prince, à force de parler français à l'Europe, vous finissez par penser en Français“. (Князь, благодаря тому, что вы говорите по-французски съ Европой, вы начинаете мыслить какъ французъ).

XXIV.

Нѣкто, очень свѣтскій, былъ по службѣ своей близокъ къ министру, далеко несвѣтскому. Вслѣдствіе положенія своего, обязанъ онъ былъ являться иногда на обѣды и вечеринки его. „Что же онъ тамъ дѣлаетъ?“ спрашиваютъ Ѳ. И. Тютчева.—„Ведетъ себя очень прилично“, отвѣчаетъ онъ: „какъ маркизъ-помѣщикъ въ старыхъ французскихъ опереткахъ, когда случается попасть ему на деревенскій праздникъ, онъ ко всѣмъ благопривѣтливъ, каждому скажетъ любезное, ласковое слово, а тамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, сдѣлаетъ пируэтъ и исчезаетъ“.

XXV.

Когда князь Черкасскій былъ Московскимъ городскимъ головой, Московская Дума подала всеподданнѣйшій адресъ политическаго содержанія, что и повело потомъ князя Черкасскаго къ выходу въ отставку. Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ объ этомъ адресѣ: „On ne saurait dire, où finit l'adresse et où commence la maladresse“. (Т.-е. не знаешь, гдѣ кончается или куда мѣтитъ адресъ, и гдѣ начинается неловкость).

XXVI.

Тютчевъ очень страдалъ отъ болѣзни мочевого пузыря и за два часа до смерти ему выпускали мочу посредствомъ

зонда. Его спросили, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ операціи. „Voyez-Vous“, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, „c'est comme la calomnie—il en reste toujours quelque chose“. (Видите ли, это подобно клеветѣ, послѣ которой всегда что-нибудь да остается).

XXVII.

Объ императорѣ Николаѣ I Тютчевъ сказалъ: „c'est la façade d'un grand homme“. (По внѣшности—онъ великій человѣкъ).

XXVIII.

Мѣткое слово Тютчева про Владиміра Павловича Титова, человѣка очень методичнаго: „Подумаешь, что Господь Богъ поручилъ ему составить инвентарь мірозданія“.

XXIX.

Тютчевъ утверждалъ, что единственная заповѣдь, которой французы крѣпко держатся, есть третья: Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе. Для большей вѣрности они вовсе не произносятъ его.

XXX.

Вотъ слово Тютчева, сказанное имъ во время севастопольской войны по поводу извѣстнаго упованія на русскаго Бога: „il faut bien avouer que l'emploi du Dieu russe n'est pas une sinécure“. (Надо сознаться, что должность русскаго Бога не синекура).

XXXI.

Княгиня Lison Трубецкая говорила безъ умолку по-французски при Тютчевѣ, и онъ сказалъ: „Total abus d'une langue étrangère, elle n'aurait jamais osé dire autant de bêtises en russe“. (Полное злоупотребленіе иностраннымъ языкомъ, она никогда не посмѣла бы говорить столько глупостей по-русски).

XXXII.

Тютчевъ говорилъ: „Русская исторія до Петра Великаго сплошная панихида, а послѣ Петра Великаго—одно уголовное дѣло“.

XXXIII.

Изъ письма Ѳ. И. Тютчева къ князю И. С. Гагарину.

1.

Говоря про свою службу, Тютчевъ пишетъ: „Mr le vice-chancelier est pis que le père de Jacob... Au moins celui-là n'a fait travailler son gendre que sept ans pour obtenir Lia; pour moi la mesure a été doublée; ils ont raison après tout. N'ayant jamais pris le service au sérieux, il est juste que le service aussi se moque de moi“. (Господинъ вице-канцлеръ хуже тестя Іакова... Тотъ, по крайней мѣрѣ, заставилъ своего зятя работать только семь лѣтъ, чтобы получить Лію; для меня срокъ былъ удвоенъ, они правы въ концѣ концовъ. Такъ какъ я никогда не относился къ службѣ серьезно, справедливо, чтобы служба также смѣялась надо мной).

2.

Изъ того же письма: „Tout homme à un certain âge de la vie est poète lyrique, il ne s'agit que de lui dénouer la langue“. (Всякій человѣкъ въ извѣстную пору жизни похожъ на лирическаго поэта, дѣло только за тѣмъ, чтобы развязать ему языкъ).

XXXIV.

Слабой стороной графа Д. Н. Блудова (предсѣдателя Государственнаго Совѣта) былъ его характеръ, раздражительный и желчный; извѣстный острякъ и поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ,—разсказываетъ гр. В. А. Сологубъ въ своихъ „воспоминаніяхъ“,—говорилъ про него: „Il faut avouer, que le comte Bloudof est le modèle des chrétiens, personne comme lui ne

pratique l'oublie des injures... qu'il a faites lui-même". (Надо сознаться, что графъ Блудовъ образецъ христіанина: никто такъ, какъ онъ, не слѣдуетъ заповѣди о забвеніи обидъ... нанесенныхъ имъ самимъ).

XXXV.

Изъ записокъ А. Ѳ. Тютчевой.

(Кончина императора Николая I).

„En allant diner chez mes parents, je les trouvais tous impréssionnés au plus haut point. „C'est comme si on vous annonçait, que Dieu est mort", dit Papa avec sa manière de s'exprimer en relief". (Когда я отправилась обѣдать къ родителямъ, я нашла ихъ въ высшей степени взволнованными. „Какъ будто вамъ объявили, что Богъ умеръ", сказалъ папа, со свойственной ему привычкой образно выражаться).

XXXVI.

Изъ письма Ѳ. И. Тютчева къ Э. Ѳ. Тютчевой.

„Mes premières impressions sont presque toujours d'une indulgence excessive. Si elles avaient de la durée, cela tournerait à la charité". (Мои первоначальныя впечатлѣнія всегда отличаются необычайной снисходительностью. Будь они длительнѣе, они перешли бы въ милосердіе).

XXXVII.

Говоря про Декабрьскій переворотъ во Франціи (провозглашеніе Имперіи 2 декабря 1852 г.), Тютчевъ пишетъ: „Tout le monde s'était attendu à cela, comme à une couche de femme après 9 mois de grossesse". (Всѣ этого ожидали, какъ родовъ у женщины послѣ 9-мѣсячной беременности).

XXXVIII.

„A mon arrivée (à Pétersbourg) je suis descendu chez Kllee. Quand je dis descendu, c'est monté qu'il serait plus exact de dire, car je loge au quatrième étage"...

XXXIX.

Упоминая про вечеръ въ Эрмитажѣ, на который онъ не получилъ приглашенія, Тютчевъ пишетъ: „Pour moi, depuis qu'Anna (старшая дочь поэта, А. Ѳ., фрейлина цесаревны Маріи Александровны) est à la cour, j'éprouve moins que jamais le besoin de m'y trouver en personne et suis trop heureux d'y être par procuration". (Что касается меня, то съ тѣхъ поръ, какъ Анна при дворѣ, я менѣе чѣмъ когда-либо испытываю потребность присутствовать тамъ лично и счастливъ имѣть тамъ свою представительницу).

XL.

Возвращаясь въ Россію изъ заграничнаго путешествія, Тютчевъ пишетъ женѣ изъ Варшавы: „Ce n'est pas sans une sorte de mélancolie que j'ai pris congé de cet Occident pourri et qui est si propre et si confortable pour rentrer dans cette saleté pleine d'avenir de la chère patrie". (Я не безъ грусти разстался съ этимъ гнилымъ Западомъ, такимъ чистымъ и полнымъ удобствъ, чтобы вернуться въ эту многообѣщающую въ будущемъ грязь милой родины).

XLI.

Незадолго до начала Восточной войны Тютчевъ пишетъ: „Je suis tout honteux de ne pouvoir te dire écrivant de Pétersbourg, si nous sommes en guerre, oui ou non. Ah, le singulier milieu que celui dans lequel je vis. Je parie, que le jour du ju-

gement dernier, il y aura des gens à Pétersbourg, qui feront semblant de ne pas s'en douter". (Мнѣ стыдно, что хотя пишу изъ Петербурга, но не могу сказать тебѣ, будемъ ли мы воевать или нѣтъ. Ахъ, въ какой странной средѣ я живу. Бьюсь объ закладъ, что въ день Страшнаго Суда въ Петербургѣ найдутся люди, дѣлающіе видъ, что они не подозрѣваютъ этого).

XLII.

Говоря о роли Австріи передъ началомъ Восточной войны, Тютчевъ пишетъ: „Quant à cette pauvre Autriche, dont tout le corps n'est qu'un talon d'Achille, il est clair que ne pouvant se passer d'appui soit à l'Orient, soit à l'Occident, elle avait à choisir pour s'asseoir entre un bon fauteuil solide et bien rembourré et un pal, solide aussi el très proprement aiguisé. Eh bien je ne désespère pas, que c'est en faveur du pal qu'elle se décidera". (Что касается этой бѣдной Австріи, все тѣло которой представляетъ сплошную Ахиллесову пяту, ясно, что, нуждаясь въ поддержкѣ съ Востока или Запада, ей приходится сдѣлать выборъ между двумя сидѣньями: прочнымъ и хорошо набитымъ кресломъ и не менѣе прочнымъ и хорошо заостреннымъ коломъ. И я не теряю надежды, что она сядетъ на колъ).

XLIII.

Говоря про Восточную войну, Тютчевъ пишетъ: „C'est la guerre des crétins contre les gredins". (Это война кретиновъ съ негодяями).

XLIV.

Описывая музыкальный вечеръ у госпожи Калерджи во время осады Севастополя, Тютчевъ говоритъ: „Ce qu'il y a eu de plus curieux à cette soirée, c'est l'air radieux du Chancelier (князь Горчаковъ) s'épanouissant et s'ébattant avec volupté à l'audition de cette musique. Alexandre le Grand à

Babylone n'a certainement pas été plus sensible aux accords de la lyre de Timothée". (Самое любопытное на этомъ вечерѣ былъ сіяющій видъ канцлера, который расцвѣталъ и плавалъ въ блаженствѣ, слушая эту музыку. Александръ Великій въ Вавилонѣ, конечно, не былъ болѣе чувствителенъ къ аккордамъ лиры Тимоѳея).

XLV.

Въ маѣ 1855 г. Тютчевъ пишетъ: „Je suis obligé demain à une heure d'aller prêter ce bienheureux serment que par toute sorte de motifs j'avais ajourné jusqu'à présent. Ah, je ne demande pas mieux que de leur prêter tous les serments imaginables, mais si je pouvais leur prêter un peu d'intelligence, cela leur sera assurément beaucoup plus profitable". (Завтра въ часъ дня я долженъ приносить эту пресловутую присягу, которую все откладывалъ до сихъ поръ подъ разными предлогами. Ахъ, я готовъ приносить имъ всевозможныя присяги, но если бы я могъ удѣлить имъ немного ума, это было бы гораздо для нихъ полезнѣе).

XLVI.

Въ томъ же мѣсяцѣ Тютчевъ пишетъ про невыносимую жару въ своей спальнѣ, окна которой выходили на солнечную сторону. „Pour en endurer la température il faudrait être fait un peu comme les trois jeunes Hommes de la Bible, qui se promenaient agréablement dans la fournaise ardente". (Чтобы выдержать подобную температуру, надо быть созданнымъ такъ, какъ три библейскихъ отрока, которые не безъ пріятности прогуливались въ огненной пещи).

XLVII.

Въ іюнѣ 1855 г. Тютчевъ сообщаетъ: „L'évênement du jour c'est donc le discours prononcé par cette canaille impériale de

France, a l'ouverture du Corps législatif". (Злоба дня — это рѣчь, произнесенная этой императорской канальей во Франціи при открытіи Законодательного Собранія).

XLVIII.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тютчевъ говоритъ: „Aujourd'hui je dine chez les Bloudoff, avec un Envoyé Monténégrin arrivé depuis peu et accredité principalement auprès d'Antoinette, je suppose". (Сегодня я обѣдаю у Блудовыхъ съ черногорскимъ посланникомъ, недавно прибывшимъ и аккредитованнымъ, главнымъ образомъ, при Антуанетѣ, я полагаю).

XLIX.

Описывая торжества коронаціи императора Александра II въ августѣ 1856 г., Тютчевъ сообщаетъ, между прочимъ, о производствѣ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Д. П. Северина, который такъ гордъ и доволенъ своимъ повышеніемъ: „qu' à l'entendre, il n'est pas bien sûr si ce n'est pas lui qui a été le principal personnage du couronnement". (Если его послушать, онъ не совсѣмъ увѣренъ, не онъ л главное лицо на коронаціи).

L.

Про канцлера князя Горчакова Тютчевъ говоритъ: „Ce n'est pas une nature ordinaire que la sienne, elle a beaucoup plus de valeur en réalité que n'en laisse augurer l'apparance. Chez lui, la crême est au fond, le lait à la surface". (Онъ незаурядная натура и съ бо̀льшими достоинствами, чѣмъ можно предположить по наружности. Сливки у него на днѣ, молоко на поверхности).

LI.

Говоря про присутствіе свое на одномъ изъ придворныхъ торжествъ въ Царскомъ Селѣ, Тютчевъ пишетъ: „Et main-

tenant que j'ai nommé Царское, je vais sans autre transition vous parler de l'apparition de mon nouvel uniforme dans tout son éclat virginal et immaculé, sous les magnifiques lambris du palais de la Grande Impératrice. Eh bien, oui, les voûtes splendides ont dû sourire avec complaisance au reflet de cette magnificence qui leur manquait encore et qu'elles ont si longtemps attendue. Quant à la foule stupide qui se mouvait tout autour de moi, je ne suis pas très sûr, si elle s'est même aperçue de cette apparition phénoménale". (А теперь, упомянувъ о Царскомъ, перейду прямо къ разсказу о появленіи моего новаго мундира во всемъ его дѣвственномъ и непорочномъ блескѣ подъ великолѣпными потолками дворца Великой Императрицы. Да, въ самомъ дѣлѣ, эти чудные своды должны были благосклонно улыбнуться при этомъ блестящемъ явленіи, котораго имъ еще недоставало и котораго они такъ долго ждали. Что же касается безмозглой толпы, двигавшейся вокругъ меня, то я не очень увѣренъ, что она замѣтила это чудесное появленіе).

LII.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тютчевъ говоритъ: „Me voilà comme Agamemnon levé avant l'aube pour vous écrire. il est a peine six heures du matin et le fidèle esclave Emmanuel, levé aussi, bien malgré lui, pour la même cause, pourrait presque me dire: Vos yeux seuls et les miens sont ouverts en Aulide". (Вотъ я, подобно Агамемнону, всталъ до зари, чтобы писать вамъ. Теперь едва шесть часовъ утра, и вѣрный рабъ Эммануилъ, который также поднялся, очень нехотя, по той же причинѣ, могъ бы мнѣ сказать: Только ваши и мои глаза открыты въ Авлидѣ).

LIII.

Лѣтомъ 1858 г., удивляясь необыкновенно жаркой и постоянной погодѣ, Тютчевъ замѣчаетъ: „Et qui sait, peut être cela va-t-il durer ainsi et le bon Dieu, piqué d'emulation, s'est

Il décidé à supprimer le froid et le mauvais temps comme l'Empereur de Russie a décrété la suppression de la glèbe". (Кто знаетъ, можетъ быть это продлится, и Господь Богъ, изъ соревнованія, рѣшилъ отмѣнить холодъ и дурную погоду, какъ Русскій Императоръ предначерталъ отмѣну крепостного права).

LIV.

Про Муханова, товарища министра Народнаго Просвѣщенія, Тютчевъ говоритъ: „C'est assurément un des hommes les plus creux parmi les boursouflés". (Это безспорно самый пустой изъ напыщенныхъ людей).

LV.

Однажды осенью, сообщая, что свѣтскій Петербургъ очень еще безлюденъ, Тютчевъ пишетъ: „Les revenants de l'etranger sont presqu'aussi rares et aussi peu authentiques, que ceux de l'autre monde, et ma foi, on ne saurait en conscience donner tort à ceux qui ne reviennent pas, tant on aimerait être de leur nombre". (Вернувшіеся изъ-за границы почти также рѣдки и мало осязаемы, какъ выходцы съ того свѣта, и, признаюсь, нельзя по совѣсти обвинять тѣхъ, кто не возвращается, такъ хотѣлось бы быть въ ихъ числѣ).

LVI.

Возвращаясь въ Россію изъ-за границы, Тютчевъ пишетъ изъ Берлина: „Enfin, enfin le dernier pas va se faire, et pas plus tard que ce soir, je vais me lancer, non pas dans l'éternité, comme les pendus en Angleterre, mais dans l'infini, comme les voyageurs en Russie". (Наконецъ, наконецъ, послѣдній шагъ совершится и не позже сегодняшняго вечера я брошусь не въ вѣчность, какъ повѣшенные въ Англіи, а въ безконечное пространство, какъ путешественники въ Россіи).

LVII.

Нѣкую госпожу Audran Тютчевъ называетъ: „l'infatigable, mais la très fatigante". (Неутомимая, но очень утомительная).

LVIII.

Весной 1863 г., оставшись въ Петербургѣ послѣ отъѣзда оттуда многихъ знакомыхъ, Тютчевъ пишетъ: „Je suis à l'heure qu'il est comme le Satan de Milton, le roi des espaces vides". (Въ данную минуту я, подобно Мильтоновскому Сатанѣ, являюсь Царемъ безлюднаго пространства).

LIX.

По поводу отставки В. К. Константина Николаевича, бывшаго Намѣстникомъ Царства Польскаго, Тютчевъ пишетъ: „On le dit très c o i, et il y a de q u o i".

LX.

Описывая свадьбу дочери своей, Анны Өедоровны, 36 лѣтъ отъ роду вышедшей замужъ за И. С. Аксакова, Тютчевъ говоритъ: „Anna venait de terminer sa toilette et avait déjà dans les cheveux cette branche de fleurs d'oranger, qui a si fort tardé à s'épanouir". (Анна только что окончила свой туалетъ и имѣла уже въ волосахъ эту вѣтку померанцевыхъ цвѣтовъ, которая такъ медлила распуститься). И дальше: „Quand on a mis les couronnes sur les têtes des mariés, l'excellent Aksakof, avec son énorme couronne plantée à cru sur sa tête, m'a vaguement rappelé les figures en bois peint représantant l'Empereur Charlemagne". (Когда на новобрачныхъ возложили вѣнцы, милѣйшій Аксаковъ въ своемъ огромномъ вѣнцѣ, надвинутомъ прямо на голову, отчасти напомнилъ мнѣ крашеныя деревянныя изображенія Императора Карла Великаго).

LXI.

Про русскихъ дипломатовъ и иностранную ихъ политику Тютчевъ отзывается такъ: „Toute notre politique etrangère est comme la laugue russe parlée par ces messieurs: ce n'est que du français traduit“. (Вся наша иностранная политика подобна русскому языку, на которомъ говорятъ эти господа: это лишь переводъ съ французскаго).

LXII.

По поводу самоувѣренности князя Горчакова Тютчевъ выражался такъ: „Jamais personne mieux que lui n'a merité qu'on lui appliquât ce vers gracieux d'André Chénier: L'Illusion féconde habite dans son sein, – seulement il n'y aurait de contestable dans le cas donné que la fécondité en vue des résultats“. (Никто, болѣе его, не заслуживаетъ, чтобъ къ нему примѣнили этотъ граціозный стихъ Андрэ Шенье: плодотворныя иллюзіи обитаютъ въ его груди,—но, въ данномъ случаѣ, сомнительна „плодотворность“, въ виду полученныхъ результатовъ).

LXIII.

Про него же Тютчевъ говорилъ: „Il court sur les difficultés de la situation, comme la nymphe de la fable courait sur les épis de blé, sans les faire plier“. (Онъ скользитъ по трудностямъ положенія, какъ нимфа въ баснѣ скользила по хлѣбнымъ колосьямъ, не сгибая ихъ).

LXIV.

По поводу ожидавшагося въ 1868 г. неурожая Тютчевъ пишетъ: „Serions nous destinés à voir défiler devant nous les sept génisses maigres du rêve de Pharaon, et cela en l'absence d'un Joseph?“. (Неужели мы обречены узрѣть семь тощихъ коровъ изъ сна Фараонова, да еще безъ наличности у насъ Іосифа?)

LXV.

Въ августѣ 1868 г., по дорогѣ изъ Орловской губерніи въ Петербургъ, Тютчевъ былъ задержанъ въ Москвѣ сильнымъ припадкомъ подагры. Нѣсколько оправившись, онъ посѣтилъ Англійскій клубъ и по этому поводу пишетъ: „Hier au Club, me voyant marcher à petits pas comptés, appuyé sur une canne, je me suis senti tout à fait de la localité et j'ai reconnu sur moi l'uniforme de l'établissement". (Вчера въ клубѣ, гдѣ я шелъ мелкими, размѣренными шажками, опираясь на трость, я почувствовалъ себя совершенно подходящимъ къ мѣсту и какъ бы облеченнымъ въ форму этого учрежденія).

LXVI.

Осенью 1868 г. вернулся въ Петербургъ изъ заграничной поѣздки старшій сынъ поэта, Дмитрій Өедоровичъ, съ женой своей, въ то время беременной. Вновь страдавшій припадками подагры, Ө. И. поручилъ сыну передать невѣсткѣ, что, въ виду ея положенія, онъ проситъ ее не подниматься къ нему по лѣстницѣ въ 78 ступеней. Нѣсколько дней спустя, онъ пишетъ женѣ: „Il n'y a que Dima, que j'ai entièrement perdu de vue. Voilà plus de trois jours, qu'il n'a plus mis les pieds ici. C'est comme s'il avait pris pour son propre compte la recommandation que je lui ai faite d'empêcher sa femme de monter mes escaliers". (Только Диму я окончательно потерялъ изъ виду. Вотъ уже больше трехъ дней, что онъ у меня не былъ. Какъ будто онъ принялъ на свой собственный счетъ совѣтъ, данный мной его женѣ, не взбираться на мою лѣстницу).

LXVII.

Осенью 1868 г. Тютчевъ пишетъ женѣ, обезпокоенной состояніемъ его здоровья: „Règle générale: dans l'absence on ne doit s'avouer malade qu'après qu'on est mort". (Общее правило: во время разлуки слѣдуетъ признавать себя больнымъ только послѣ своей смерти).

LXVIII.

По поводу женитьбы двухъ молодыхъ родственниковъ на некрасивыхъ барышняхъ Тютчевъ пишетъ: „Il est assurément baroque de voir des jennes gens avoir cette suprême indifférence pour les agréments physiques dans les femmes qu'ils veulent épouser; mais, enfin c'est leur affaire et je ne me crois pas en droit de leur imposer de force le culte de la Beauté, comme je ne me croirais pas en droit de les empêcher de faire maigre, si le coeur leur en disait". (Несомнѣнно, странно видѣть въ молодыхъ людяхъ это глубочайшее равнодушіе къ внѣшнимъ прелестямъ у женщинъ, на которыхъ они собираются жениться; но, въ концѣ концовъ, это ихъ дѣло, и я не считаю себя въ правѣ навязывать имъ поклоненіе Красотѣ, какъ не считалъ бы себя въ правѣ препятствовать имъ поститься, еслибъ таково было ихъ желаніе).

LXIX.

Въ іюлѣ 1869 г. Тютчевъ пишетъ женѣ изъ Москвы: „J'ai beaucoup revu ici Madame Smirnoff, chez qui j'ai diné l'autre jour avec Samarine. La bonne femme a peu changé. Seulement elle s'est plus carrément établie dans sa vieillesse de plus en plus aigre, si bien que Samarine lui-même me faisait l'effet d'un Eliacin en présence d'Athalie". (Я часто видѣлъ здѣсь госпожу Смирнову, у которой обѣдалъ на-дняхъ съ Самаринымъ. Добрая женщина мало измѣнилась. Она только еще больше закоренѣла въ своей брюзжащей старости, такъ что даже Самаринъ представлялся мнѣ Эліасиномъ въ присутствіи Аталіи).

LXX.

Описывая семейное счастье одного изъ своихъ родственниковъ, Тютчевъ замѣчаетъ: „Il est trop empêtré dans toutes les mollesses de son home pour pouvoir en sortir. C'est çomme une mouche, enfoncée dans du miel". (Онъ слишкомъ погрузился въ нѣгу своей семейной жизни, и не можетъ изъ нея выбраться. Онъ подобенъ мухѣ, увязшей въ меду).

LXXI.

Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ жизни поэта, находимъ слѣдующія строки: „Il vient un âge, où l'on ne saurait se soustraire à un sentiment de terreur croissante, en voyant avec quelle rapidité disparaissent les uns après les autres tous les survivants de notre génération. Il s'en vont comme les dernières cartes d'une patience". (Приходитъ время, когда не въ силахъ бываешь избавиться отъ чувства все возрастающаго ужаса при видѣ, съ какой быстротой одни за другими исчезаютъ наши современники. Они уходятъ, какъ послѣднія карты въ пасьянсѣ).

LXXII.

Въ 1871 г., встрѣтившись въ Петербургѣ съ греческимъ посланникомъ Будурисомъ, съ которымъ въ молодости знакомъ былъ въ Мюнхенѣ, Тютчевъ пишетъ: „Il m'a cité certains propos que j'aurais dits dans le temps, car il parait qu'alors déjà je disais des mots. C'est donc toute une vie, employée rien qu'à cela". (Онъ привелъ мнѣ нѣсколько изреченій, сказанныхъ мною будто бы въ то время, такъ какъ, повидимому, я уже и тогда говорилъ остроты. Выходитъ, что я посвятилъ этому цѣлую жизнь).

LXXIII.

По поводу запрещенія издаваемой И. С. Аксаковымъ газеты „Москва" (1868 г.) Тютчевъ пишетъ дочери: „L'Empereur considère la presse comme une incovenance et même une insolence". (Государь считаетъ печать неприличіемъ и даже дерзостью).

LXXIV.

По поводу запрещенія той же газеты онъ пишетъ въ слѣдующемъ письмѣ: „Si la diagnostique était la même pour les

Etats, comme pour les individus, on pourrait craindre à la vue de certains symptômes, que la maladie qui nous travaille ne fût un commencement de ramolissement de cerveau". (Если бы діагнозъ болѣзней по отношенію къ государствамъ и къ отдѣльнымъ личностямъ былъ одинаковъ, можно было бы опасаться, судя по нѣкоторымъ симптомамъ, не является ли недугъ, насъ изнуряющій, началомъ разжиженія мозга).

LXXV.

По поводу политическаго адреса Московской городской Думы (1869 г.) онъ пишетъ: „Essayer des manifestations politiques en Russie, c'est battre le briquet contre un morceau de savon. Il faudrait comprendre une bonne fois, qu'il n'y a rien de serieux en Russie, que la Russie elle-même". (Всякія попытки къ политическимъ выступленіямъ въ Россіи равносильны стараніямъ высѣкать огонь изъ куска мыла. Слѣдовало бы понять разъ навсегда, что въ Россіи нѣтъ ничего серьезнаго, кромѣ самой Россіи).

LXXVI.

По поводу статьи князя Вяземскаго о романѣ Льва Толстого „Война и миръ" Тютчевъ пишетъ (1869 г.): „C'est assez curieux comme souvenirs et impressions personelles et très insuffisant comme appréciation littéraire et philosophique. Mais les natures aussi âpres que Wiasemsky sont pour les générations nouvelles, ce qu'est un visiteur étranger, malveillant et prévenu, pour un pays nouveau. Ce sont les Custines des générations nouvelles". (Это довольно любопытно, какъ воспоминанія и личныя впечатлѣнія, и весьма неудовлетворительно, какъ литературная и философская оцѣнка. Но натуры столь рѣзкія, какъ Вяземскій, являются по отношенію къ новымъ поколѣніямъ тѣмъ, чѣмъ является для малоизслѣдованной страны предубѣжденный и враждебно-настроенный посѣтитель. Это Кюстинъ новаго поколѣнія).

LXXVII.

Изъ того-же письма: „Nous avons ici en ce moment le Prince de Monténegro, qui est venu chercher aide et conseil je suppose. En attendant, il a une pelisse, que l'Empereur lui a donnée le jour de l'an... C'est là aussi à peu prês tout ce que nous avons pour le moment à offrir à la Chrétienté d'Orient". (Въ данную минуту здѣсь находится князь Черногорскій, пріѣхавшій, какъ я предполагаю, искать помощи и совѣта. Пока онъ получилъ шубу, которую Государь подарилъ ему въ день Новаго Года. Это, кажется, все, что мы можемъ предложить въ настоящее время христіанству Востока).

LXXVIII.

Въ письмѣ отъ 22 ноября 1869 г. Тютчевъ пишетъ: „Je t'écris en ce moment par un magnifique clair de soleil, dont les rayons viennent caresser doucement les horribles caractères que je trace, ce qui prouve bien, que le Soleil du Bon Dieu luit également pour tout le monde, pour les mauvais comme pour les bons". (Я пишу тебѣ сейчасъ при великолѣпномъ сіяніи солнца; лучи нѣжно ласкаютъ ужасныя каракули, которыя я черчу; это прекрасно доказываетъ, что солнце Господа Бога свѣтитъ безразлично на весь міръ, и на дурныхъ, и на хорошихъ). (Le caractère=буква, знакъ, а также характеръ—непереводимая игра словъ).

LXXIX.

И. С. Аксаковъ посѣтилъ Ѳ. И. Тютчева черезъ три дня послѣ поразившаго его апоплексическаго удара. Тютчевъ встрѣтилъ его словами: „C'est mon Sédan".

LXXX.

Во время предсмертной болѣзни поэта императоръ Александръ Второй, до тѣхъ поръ никогда не бывавшій у Тют-

чевыхъ, пожелалъ навѣстить поэта. Когда объ этомъ сказали Тютчеву, онъ замѣтилъ, что это приводитъ его въ большое смущеніе, такъ какъ будетъ крайне неделикатно, если онъ не умретъ на другой же день послѣ царскаго посѣщенія.

LXXXI.

По поводу сановниковъ, близкихъ императору Николаю I, оставшихся у власти и при Александрѣ II, Ѳ. И. Тютчевъ сказалъ однажды, что они напоминаютъ ему „волосы и ногти, которые продолжаютъ расти на тѣлѣ умершихъ еще нѣкоторое время послѣ ихъ погребенія въ могилѣ“.

LXXXII.

Послѣ послѣдняго припадка (въ концѣ іюня 1873 г.), несмотря на всѣ увѣренія докторовъ, что Тютчеву остается жить день-два, онъ прожилъ еще недѣли три, но эта жизнь была медленной агоніей. Все постепенно изнемогало въ немъ, никло и умирало,—не омрачилось только сознаніе и не умирала мысль. „Faites un peu de vie autour de moi“ (сдѣлайте такъ, чтобы вокругъ меня было немного жизни) сказалъ онъ однажды дочери,—но такое возбужденіе было минутное, а скоро и совсѣмъ затихло.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Эпиграмма на императора Николая I печатается съ копіи, сдѣланной рукою дочери поэта, Маріи Θеодоровны Бирилевой. Копія находится въ альбомѣ Маріи Θеодоровны. Этотъ альбомъ почти весь заполненъ стихами Θ. И. Тютчева въ копіяхъ рукою М. Θ. Бирилевой, а также рукою второй супруги поэта Эрнестины Θеодоровны, рожд. баронессы Пфеффель, въ первомъ бракѣ бар. Дернбергъ (Dörnberg), а не Дёрнгеймъ, какъ постоянно называютъ эту фамилію біографы поэта, повторяя ошибку И. С. Аксакова. Въ альбомѣ имѣются также и автографы самого Θ. И. Тютчева— числомъ восемнадцать. Въ концѣ тетради послѣ нѣсколькихъ бѣлыхъ страницъ, на послѣднихъ листахъ, имѣются стихи кн. П. А. Вяземскаго и И. С. Аксакова. Эпиграмма на Николая I помѣщена въ срединѣ альбома среди другихъ стиховъ Θ. И. Тютчева. На верху—надпись *Н. П.* [Николаю Павловичу]. То, что эта эпиграмма дѣйствительно принадлежитъ Θ. И. Тютчеву, подтверждается твердымъ семейнымъ преданіемъ. Внуки поэта слышали неоднократно изъ устъ ихъ тетки, Дарьи Θеодоровны Тютчевой, разсказъ о томъ, что Θ. И. Тютчевъ написалъ на смерть Николая I-го эпиграмму— эпитафію со столь рѣзкой оцѣнкой личности императора, что жена поэта, Эрнестина Θеодоровна, весьма смущалась самимъ фактомъ существованія такого документа. Эпиграмма считалась утраченной, пока внуки поэта не нашли альбомъ своей тетки, Маріи Θеодоровны Бирилевой. Существеннымъ доводомъ въ пользу того, что эпиграмма эта дѣйствительно принадлежитъ Θ. И. Тютчеву, надо считать ея содержаніе. Оно не противорѣчитъ оцѣнкѣ личности императора Николая I, которую мы находимъ въ письмахъ поэта, какъ опубликованныхъ въ „Station Старинѣ и Новизнѣ“, такъ и въ тѣхъ, которыя нынѣ подготовляются къ печати.

II. Эпиграмма „Надъ Россіей распростертой“... печатается съ подлинника, написаннаго, несомнѣнно, рукою самого Θ. И. Тютчева на клочкѣ бѣлой съ водяными полосками почтовой бумаги карандашомъ. Слово „четвертый“ и „второй“ подчеркнуты. Даты, къ сожалѣнію, нѣтъ. Копія этой эпиграммы имѣется и въ альбомѣ М. Θ. Бирилевой. Это четвертостишіе не вошло ни въ одно изъ собраній сочиненій поэта. Эпиграмма относится, повидимому, къ гр. Петру Андреевичу Шувалову, и едва ли ее можно отнести къ Петру Александровичу Валуеву (1815—1890), извѣстному государственному дѣятелю и писателю. Въ 1861 году П. А. Валуевъ занималъ

постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ и съ 23 апрѣля того же года постъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. П. А. Валуевъ примѣнялъ репрессіи по отношенію печати. Между прочимъ, отъ его предостереженій и каръ страдалъ неоднократно, какъ публицистъ, И. С. Аксаковъ, женатый на дочери поэта, Аннѣ Ѳеодоровнѣ. Эти кары чрезвычайно раздражали Ѳ. И. Тютчева. Біографическія и библіографическія свѣдѣнія о П. А. Валуевѣ—въ „Крит.-біогр. словарѣ“ С. А. Венгерова, т. IV отд. II, стр. 52—56. Что касается гр. Петра Андреевича Шувалова, то предположеніе, что эпиграмма относится къ нему, имѣетъ болѣе серьезныя основанія: во-первыхъ, у него было прозвище „Петръ Четвертый“. Объ этом см. „Житейскія встрѣчи“ А. Ѳ. Кони („Голосъ Минувшаго“, №№ 5—12, май—декабрь 1919); во-вторыхъ, личность графа П. А. Шувалова, какъ временщика и реакціонера, была гораздо выразительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ личность П. А. Валуева. Гр. П. А. Шуваловъ (1827—1889) одно время состоялъ директоромъ департамента общ. дѣлъ мин. внутр. дѣлъ и управляющимъ III-мъ отд. собств. Е. И. В. канцеляріи. Будучи шефомъ жандармовъ, онъ пользовался почти неограниченною властью съ 1866 по 1874 года. Объ его реакціонной дѣятельности немало замѣчаній въ дневникѣ А. В. Никитенко, который, впрочемъ, его имя постоянно упоминаетъ рядомъ съ именемъ П. А. Валуева.

III. Эпиграмма „Когда разстроенный кредитъ“... печатается съ оригинала. Автографъ Ѳ. И. Тютчева карандашомъ на клочкѣ бѣлой писчей бумаги съ поправкою синими чернилами его же рукою: четвертая строка первоначально читалась—„сѣлъ и сидитъ какъ ракъ“... Въ альбомѣ М. Ѳ. Бирилевой имѣется копія. Эпиграмма относится къ адмиралу Самуилу Алексѣевичу Грейгу (1827—1887), который съ 1866 года занималъ постъ товарища министра финансовъ. Стихотвореніе въ альбомѣ М. Ѳ. Бирилевой датируется такъ: 3-яго іюня 1866. Наверху надпись: „На назначеніе Грейга товарищемъ министра финансовъ“.

IV. Эпиграмма „Печати русской доброхоты“... печатается съ оригинала. Автографъ Ѳ. И. Тютчева—карандашомъ на клочкѣ плотной бѣлой писчей бумаги—безъ варіантовъ и поправокъ. Ѳ. И. Тютчевъ, какъ извѣстно, занималъ мѣсто предсѣдателя Санктпетербургскаго Комитета Иностранной Цензуры. Въ это время онъ часто встрѣчался съ А. В. Никитенко, и, благодаря запискамъ этого прилежнаго мемуариста, мы знаемъ объ отношеніи Тютчева къ цензурной практикѣ. Тютчевъ былъ не очень подходящимъ чиновникомъ, особенно при министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстомъ. Но вольнодумство Тютчева терпѣли: того требовалъ духъ времени. Самъ Тютчевъ въ извѣстномъ стихотвореніи въ альбомъ Ваккара оправдывалъ свою цензорскую миссію, какъ „почетный караулъ“ при литературѣ, гонителемъ коей онъ не былъ никогда. Въ ноябрѣ 1857 года Тютчевъ написалъ, въ видѣ письма къ кн. Горчакову, статью или записку о цензурѣ—„Lettre sur la censure en Russie“. Записка эта была опубликована лишь въ 1873 году, въ годъ смерти поэта. Въ этомъ письмѣ Тютчеву приходится осторожно и какъ бы извиняясь и заранѣе оправдываясь, до-

казывать вещи слишкомъ элементарныя. Онъ защищаетъ литературу, какъ это дѣлалъ Пушкинъ, отстаивая не безусловную свободу печати, а лишь относительное право писателя на независимость сужденій. 5 октября 1858 года поэтъ рѣшился протестовать въ комитетѣ противъ проекта двойной цензуры—предупредительной и послѣдовательной. Въ это время, въ „сферахъ", придумали еще одинъ проектъ—устройство комитета по типу „bureau de la presse" Наполеона III. И проектъ прошелъ. Въ комитетъ назначены были Н. А. Мухановъ, гр. А. В. Адлербергъ и А. Е. Тимашевъ. На комитетъ возлагалась обязанность „любовно, патріархально и разумно" направлять литературу на путь истинный. Предложили и Ѳ. И. Тютчеву войти въ этотъ комитетъ. На этотъ разъ онъ имѣлъ мужество отказаться отъ предложеннаго поста. И позднѣе Тютчевъ неоднократно протестовалъ противъ репрессій, направленныхъ противъ печати. Въ одномъ изъ писемъ онъ писалъ: „Этотъ злополучный совѣтъ по дѣламъ печати есть нѣчто жалкое и совершенно достойное отраженіе того цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ". Такимъ образомъ эпиграмма „Печати русской доброхоты" вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію Тютчева и его взглядамъ на цензуру.

V. Эпиграмма „Куда сомнителенъ мнѣ твой"... печатается съ оригинала. Автографъ—перомъ (черныя чернила) на клочкѣ писчей желтоватой бумаги—безъ варіантовъ. Въ третьей строчкѣ слово „избой" написано съ буквою *с* вмѣсто *з*. По почерку Ѳ. И. Тютчева можно отнести автографъ къ началу шестидесятыхъ годовъ. Имѣется копія въ альбомѣ М. Ѳ. Бирилевой.

VI. Четверостишіе „Не знаешь, что лестнѣй для мудрости людской"... печатается съ оригинала. Автографъ Ѳ. И. Тютчева на клочкѣ бѣлой почтовой бумаги черными чернилами. Вѣроятно, это четверостишіе относится къ 1871 году—году провозглашенія Германской Имперіи.

VII. Эпиграмма „Затѣю этого разсказа"... печатается съ копіи изъ альбома М. Ѳ. Бирилевой. На верху надпись: На Казаки (повѣсть Толстого). Эпиграмма помѣщена среди извѣстныхъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева, однако, отсутствіе автографа понуждаетъ насъ отнести пока эту эпиграмму къ категоріи dubia. Во всякомъ случаѣ надпись, указывающая на повѣсть Толстого, кажется намъ недоразумѣніемъ.

VIII. „Есть телеграфъ за неимѣньемъ ногъ"... печатается съ оригинала. Автографъ Ѳ. И. Тютчева больною дрожащею рукою на страницѣ почтовой бумагѣ малаго формата—карандашомъ; на верху надпись: князю Вяземскому. Внизу приписка: Voilà des vers assez mauvais p. plaire au [неразб.]. Дата синими чернилами, повидимому, рукою дочери поэта, М. Ѳ. Бирилевой: 28 іюня 1865. Ср. съ опубликованнымъ въ собраніи сочиненій стихотвореніемъ: „Безпомощный и убогій"... [телеграмма въ Петербургъ князю П. А. Вяземскому].

IX. „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ"... Печатается съ текста, выгравированнаго на кольцѣ, хранящемся въ семьѣ Тютчевыхъ. Принадлежность этого четверостишія Ѳ. И. Тютчеву удостовѣряется внуками поэта. Эрнестина Ѳеодоровна Тютчева, рожд. бар. Пфеффель, по первому

браку бар. Дёрнбергъ, родилась въ Мюнхенѣ 8/20 апрѣля 1810 года, умерла 17/29 апрѣля 1894—въ Петербургѣ, погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ рядомъ съ могилою Ѳ. И. Тютчева. „Петербургскій Некрополь“, IV т. стр. 316. Примѣчательныя письма поэта къ Эрнестинѣ Ѳеодоровнѣ напечатаны, какъ извѣстно, въ „Старинѣ и Нов.“, XVIII, XIX и XXI, XXII т.т. Къ сожалѣнію, письма Эрнестины Ѳеодоровны къ Ѳеодору Ивановичу, повидимому, утрачены. По крайней мѣрѣ въ Мурановскомъ архивѣ ихъ нѣтъ. Кажется, Эрнестина Ѳеодоровна сама ихъ уничтожила. Къ Эрнестинѣ Ѳеодоровнѣ относятся слѣдующія стихотворенія Тютчева: „Un rêve“ (Quel don lui faire au déclin de l'année?“) съ датой 17 (29) octobre 1847, по изд. 1900 (имѣется пер. Ч. Вѣтринскаго. В. Е. 1917.); „Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées“... (Promenade avec ma femme), датированное 23 августомъ 1850 (см. переводъ этого стихотворенія, сдѣлан. В. Я. Брюсовымъ. Нов. Путь, 1903, ноябрь, 4.); „Все что сберечь мнѣ удалось“, датированное гадательно 1856 годомъ въ изд. 1900 года и 1850 годомъ—въ изд. подъ ред. П. Быкова; „Des premiers ans de votre vie“... датир. 12 апрѣля 1851 (въ изд. 1900 г.)—имѣется переводъ этого стихотворенія, сдѣланный А. А. Фетомъ. Собр. соч. А. А. Фета. Спб. 1901, т. II, стр. 551. „Все отнялъ у меня казнящій Богъ“... Дата по изд. 1900 г.—февраль 1873; „Не знаю я, коснется ль благодать“... (1873 г.—дата по изд. 1900 г.).

X. „Il faut qu'une porte“... Это четверостишіе печатается съ оригинала. Автографъ карандашомъ на клочкѣ желтоватой бумаги безъ варіантовъ. Поводомъ для этой стихотворной шутки послужило слѣдующее: одна дама высшаго петербургскаго общества устраивала у себя любительскій спектакль, на которомъ ставили, между прочимъ, пьесу Альфреда де Мюссэ—„Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée“. Въ этой пьесѣ просили участвовать дочь поэта, Дарью Ѳеодоровну Тютчеву, и, несмотря на неоднократные ея отказы и ссылки на то, что она не обладаетъ никакими сценическими способностями, устроительница спектакля такъ упорно надоѣдала ей своими просьбами, что Ѳ. И. Тютчевъ посовѣтовалъ дочери послать назойливой дамѣ сочиненное имъ французское четверостишіе. Дарья Ѳеодоровна Тютчева—вторая дочь поэта отъ перваго брака. Она родилась въ Мюнхенѣ 12 апрѣля 1834 года, умерла въ Петербургѣ 13 апрѣля 1903 года, похоронена въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Моск. Некрополь, Спб. 1908, III т. стр. 237. Къ ней относится стихотвореніе—„Когда на то нѣтъ Божьяго согласья“... (1865).

XI. „Ah, quelle méprise“... Печатается съ оригинала. Автографъ синими чернилами на клочкѣ бумаги на оборотной сторонѣ какого-то отрывка изъ письма, написаннаго не рукою Ѳ. И. Тютчева. На верху автографа надпись женскою рукою: papa a malheuresement choisi ce papier pour son quatrain. Четверостишіе относится къ дочери поэта отъ перваго брака, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ. Оно написано по поводу желанія ея поступить въ сестры милосердія во время войны 1853—1856 г.г. Е. Ѳ. Тютчева род. 27 октября 1835 г. въ Мюнхенѣ, ум. 11 марта 1882 г. въ Москвѣ, гдѣ и погребена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Моск. Некрополь, III т., стр. 237.

XII. „23 Février 1861“ („La vieille Hecube, hélas, trop longtemps eprouvée“...)—печатается съ оригинала. Автографъ на лиловато-голубой почтовой бумагѣ карандашомъ—съ припискою внизу женскою рукою лиловыми чернилами—Hecube, vieille chienne. Вторая страница пустая. На третьей страницѣ карандашомъ черновикъ рукою Ѳ. И. Тютчева—варіантъ того же четверостишія:

La vielle Hécube, hélas, par tant de maux brisée—
Echappant à des dieux, trop longtemps irrités—
Se refugie enfin—chienne douce et frisée
Sous l'abri protecteur de vos chères bontés.

Бумага съ водяными знаками: I. F. H.—Turkey Mill. 1859. По семейному преданію, это стихотвореніе было послано, вмѣстѣ съ собакою Гекубою — Маріи Ѳеодоровнѣ Тютчевой, дочери поэта. Марія Ѳеодоровна (1840—1872) вышла замужъ за моряка Н. А. Бирилева въ Ниццѣ въ 1865 году. Она умерла отъ чахотки въ Баваріи, въ Рейхенгаллѣ. Погребена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Петербургѣ. Петерб. Некрополь. I, стр. 219. Къ Маріи Ѳеодоровнѣ Бирилевой относится стихотвореніе „Свѣтлое Христово Воскресеніе“ („День православнаго Востока“), посланное поэтомъ дочери мѣсяца за полтора до ея кончины.

XIII. „Вольфсону“ („Недаромъ русскіе ты съ дѣтства помнилъ звуки“...). Печатается съ копіи рукою М. Ѳ. Бирилевой. Копія находится въ ея альбомѣ, на 21-й страницѣ. Пунктуація списка, повидимому, произвольна и нами не сохранена. Слово „мировымъ“ написано съ „и“ восьмеричнымъ. Принадлежность этого четверостишія Тютчеву едва ли возможно оспаривать. Характерное тютчевское „недаромъ“ въ первой строкѣ; разностопный тютчевскій ямбъ (въ четвертой строкѣ пять стопъ); содержаніе, соотвѣтствующее умонастроенію Тютчева; наконецъ, мѣсто списка—посреди стиховъ Тютчева: все говоритъ въ пользу того, что это четверостишіе дѣйствительно принадлежитъ Ѳ. И. Тютчеву. Стихотвореніе относится, повидимому, къ Вильгельму Вольфсону (Wolfson), нѣмецкому драматургу и журналисту (1820—1865). Вольфсонъ, еврей по происхожденію, родился въ Одессѣ, но учился и занимался литературной дѣятельностью въ Германіи. Труды Вольфсона, давшіе поводъ Тютчеву написать свое четверостишіе, таковы: „Die schönvissenschaftliche Litteratur der Russen“ (Лейпц. 1843); „Russlands Novellendichter“ (3 тома, 1848—1851 г.г.) и, наконецъ, основанный имъ въ Дрезденѣ журналъ „Russische Revue“.

XIV. „Какъ безтолковы числа эти“... печатается съ копіи рукою Эрнестины Ѳеодоровны Тютчевой. Внизу списка ея же рукою дата и приписка: „23 Novembre 1872. Dans l'album de Marie Péterson“ [C-tesse Montgelas]. Марія Петерсонъ—внучка первой жены Ѳ. И. Тютчева, дочь Карла Карловича Петерсона, женатаго на М. И. Озеровой. К. К. Петерсонъ занималъ одно время постъ директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

XV. „Когда-то я была маіоромъ“... Печатается съ оригинала. Автографъ Ѳ. И. Тютчева синими чернилами на бѣлой почтовой бумагѣ верже. Стихо-

твореніе было опубликовано въ „Старинѣ и Новизнѣ". М. 1904, кн. VIII стр. 57. Въ собраніе сочиненій не вошло. Стихотворенію были предпосланы въ „Старинѣ и Новизнѣ", гдѣ было напечатано письмо кн. П. А. Вяземскаго къ Д. Ѳ. и Е. Ѳ. Тютчевымъ, слѣдующія строки: „Письма эти были доставлены предсѣдателемъ Московскаго Отдѣленія Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія Иваномъ Ѳеодоровичемъ Тютчевымъ графу Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву при такомъ интересномъ сообщеніи: „Въ 1853 году, въ бытность нашу заграницей, сестра моя Марія, 13-ти лѣтъ, играла на домашнемъ спектаклѣ роль какого-то маіора. Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій посвятилъ ей по этому поводу слѣдующее стихотвореніе:

24 декабря 1853 г.

Любезнѣйшій маіоръ, теперь ты чиномъ малъ,
Но потерпи, и будетъ повышенье:
Въ глазахъ твоихъ читаю увѣренье,
Что будешь ты, въ строю красавицъ, генералъ.

А въ ожиданіи побѣдъ своихъ и баловъ
Учись, трудись,—и умъ, и сердце просвѣщай,
Чтобъ послѣ не попасть, маіоръ мой, невзначай
Въ разрядъ безграмотныхъ, хоть видныхъ генераловъ".

„Много лѣтъ спустя, въ юбилей князя, отецъ отъ имени сестры отвѣтилъ ему слѣдующими стихами:

„Когда-то я была маіором..."
и т. д.

Въ семейномъ архивѣ Тютчевыхъ хранится копія еще съ одного извѣстнаго стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго къ М. Ѳ. Тютчевой, написаннаго въ Ниццѣ 5/17 февраля 1865 года, когда она была помолвлена съ флигель-адъютантомъ Николаемъ Алексѣевичемъ Бирилевымъ, морякомъ и севастопольскимъ героемъ, въ то время командиромъ судна „Олегъ" русской эскадры, стоявшей въ Ниццѣ. Вотъ это стихотвореніе:

Я зналъ маіоромъ васъ когда-то,
И проченъ былъ вашъ маіоратъ:
За трехъ мать прелестью богата,
Отецъ за трехъ умомъ богатъ.

Вы ихъ наслѣдница прямая.
Я вамъ пророчилъ съ дѣтскихъ поръ,
Что съ чина въ чинъ перебѣгая
Пойдетъ далеко мой маіоръ.

Вамъ жезлъ фельдмаршальскій сулилъ я,
И онъ давно у васъ въ рукахъ;
Но съ суши васъ зоветъ флотилья,
И ждутъ побѣды на моряхъ.

Счастливый бѣгъ! И путь просторный
Безъ мелей, бурь и грозной тьмы,
Пусть будутъ волны вамъ покорны
Какъ вамъ покорствуемъ и мы.

И я привѣтствую съ любовью
Вашъ новый адмиральскій флагъ,
Съ желаньемъ вамъ подстать къ здоровью
Земныхъ, морскихъ и всякихъ благъ.

Хоть измѣнили вы служенью,
Хоть берегъ опостылѣлъ вамъ
И предаетесь треволненью
Во слѣдъ отважнымъ морякамъ.

Вамъ вѣрный въ свѣтлый день и смутный
Я все вашъ другъ, и наконецъ
Вашъ ветхій мичманъ сухопутный
И посаженный вашъ отецъ.

Вяземскій.

Ницца, 5/17 февраля 1865 года.

Подпись подъ этой копіей сдѣлана рукою самого князя П. А. Вяземскаго.

Повидимому, отвѣтъ М. Ѳ. Тютчевой князю П. А. Вяземскому, написанный за нее Ѳ. И. Тютчевымъ, относится не къ юбилею князя, а ко времени пребыванія семьи Тютчевыхъ въ Ниццѣ, то-есть къ 1865 году. Стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго напечатано въ XII т. его соч.

Текстъ перваго стихотворенія кн. П. А. Вяземскаго свѣренъ нами съ автографомъ поэта и, перепечатывая эти стихи изъ „Старины и Новизны", мы исправили согласно съ оригиналомъ пунктуацію, а также замѣнили обыкновенными прописныя буквы въ словахъ „генералъ" и „генераловъ"— въ четвертой и восьмой строкахъ стихотворенія. Въ автографѣ кн. Вяземскаго его же рукою дата: Карлсруэ. 24 декабря 1853.

XVI. Отвѣты Ѳ. И. Тютчева на вопросы, предложенные ему въ игрѣ („Le jeu du secrétaire") были помѣщены въ книгѣ, изданной въ Петербургѣ въ 1907 году на правахъ рукописи.

Въ этой книгѣ собраны отвѣты кн. Петра Долгорукаго, кн. Горчакова, кн. П. А. Вяземскаго, кн. Павла Вяземскаго, кн. Н. А. Долгорукаго, Д. А. Долгорукаго, гр. Н. Апраксина, гр. С. Апраксина и др. Въ предисловіи сказано, между прочимъ: „Les autographes de ce jeu existent encore et

les noms des auteurs, reconnus après chaque séance, sont au bas des réponses celles, restées nonsignées, sont les réponses dont les auteurs sont inconnus, ou appartiennent au groupe des quelques personnes encore vivantes". Мы не рѣшились предложить переводъ этихъ „вопросовъ и отвѣтовъ", потому что почти всѣ они построены на каламбурахъ, которые въ переводѣ утрачиваютъ совершенно прелесть игры словъ. Упоминаемый въ третьемъ отвѣтѣ Тютчева Вовенаргъ (Vauvenargues) (1715—1747)—извѣстный французскій философъ-моралистъ. Его труды—„Meditation sur la foi", „Paradoxes mêlès de Réfléxions et de Maximes", „Introduction à la connaissance de l'esprit humain" и мн. др. Афоризмъ Вовенарга цитируетъ И. С. Тургеневъ въ своей извѣстной статьѣ о поэзіи Ѳ. И. Тютчева.

XVII. Разсказъ объ остротѣ Ѳ. И. Тютчева по поводу отношеній Н. С. Акинфьевой къ герцогу Лейхтенбергскому сообщенъ Н. И. Тютчеву графомъ А. В. Олсуфьевымъ. Варіантъ этого разсказа имѣется въ рукописной записной книжкѣ Б. А. Козлова. Олсуфьевъ, гр. Алексѣй Васильевичъ (1830—1915 г.), ген.-отъ-кавалеріи, любитель и знатокъ древне-классической литературы. Горчаковъ, кн. Александръ Михайловичъ (1798—1883 г.), извѣстный русскій дипломатъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, съ 1870 г. госуд. канцлеръ. Николай Максимиліановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, кн. Романовскій, 1843—1891 г., съ 1865 г. президентъ минералогическаго о-ва.

XVIII. Разсказъ изъ письма кн. И. С. Гагарина къ А. Н. Бахметевой отъ 9/21 ноября 1874 г. (Копія въ семейномъ архивѣ Тютчевыхъ.) Гагаринъ, кн. Иванъ Сергѣевичъ, 1814—1882 г., дипломатъ; въ 1843 г. перешелъ въ католичество и поселился въ Парижѣ. Его бумаги (въ томъ числѣ много писемъ Ѳ. И. Тютчева и Герцена) находятся у іезуита о. П. Пирлинга, жив. въ Парижѣ. Бахметева, Александра Николаевна, рожд. Ховрина, р. 23 марта 1823 г., умерла 31 мая 1901 г. (Новод. мон.). Моск. Некрополь, I, стр. 87. Тютчева, Элеонора Ѳеодоровна, рожд. граф. Ботмеръ, по первому браку Петерсонъ, родомъ баварка, католичка, первая жена (съ 1826 г.) Ѳ. И. Тютчева. Умерла въ 1838 году и погребена въ Туринѣ (Пьемонтъ). Геккеренъ, бар. Жоржъ Дантесъ (1812—1895) служилъ, какъ извѣстно, въ русской гвардіи, потомъ во Франціи былъ сенаторомъ второй Имперіи.

XIX. „Русскій Архивъ", 1890, кн. III, тетрадь 9, стр. 111. Варіантъ изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова: когда Смирновыхъ разорила игуменья Митрофанія, Тютчевъ сказалъ: „les pauvres Smirnoff sans avoir été à la bourse, ont joué à la baisse (à l'abesse)". Митрофанія, игуменья, извѣстная своими уголовными дѣлами. Она была привлечена къ суду, и ея процессъ возбудилъ въ свое время большіе толки въ обществѣ.

XX. Изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова.

XXI. Изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова. Мещерскій, кн. Владиміръ Петровичъ, 1839—1914 г., журналистъ и беллетристъ, издатель газ. „Гражданинъ".

XXII. „Русскій Архивъ". 1886 г., кн. III, тетр. 11, стр. 432. Бейстъ, Фридрихъ-Фердинандъ, 1809—1886 г., съ 1853 г. саксонскій министръ-пре-

зидентъ; послѣ австро-прусской войны 1866 г. перешелъ на службу Австріи, 1871—78 г. посланникъ въ Лондонѣ. Оставилъ мемуары.

XXIII. Изъ письма (переводъ) бар. К. Пфеффеля къ сестрѣ Э. Ѳ. Тютчевой, отъ 7 марта 1888 г., въ которомъ онъ приводитъ эти слова Ѳ. И. Тютчева, помѣщенныя въ статьѣ бар. Жомини въ Journal de St.-Petersbourg отъ 1 и 8 марта 1883 г. Тютчевскій семейный архивъ. Пфеффель бар. Карлъ, 1811—1890 г., баварецъ, братъ второй жены Ѳ. И. Тютчева. Жилъ въ Мюнхенѣ и велъ дѣятельную переписку съ Ѳ. И. Тютчевымъ; письма послѣдняго къ нему находятся бо́льшею частью у бар. Гюбера Пфеффеля (сынъ бар. Карла) въ Парижѣ.

XXIV. „Русскій Архивъ" 1876 г., книга I, тетрадь 2, стр. 200.

XXV. „Русскій Архивъ" 1890 г., книга III, тетрадь 9, стр. 111. Владиміръ Александровичъ Черкасскій (1824—1878), извѣстный общественный дѣятель. Былъ московскимъ городск. головой въ 1870 г., когда Гор. Дума обратилась къ Александру II съ адресомъ, высказывавшимъ пожеланіе введенія конституціи въ Россіи. Адресъ былъ отклоненъ и кн. Черкасскому пришлось покинуть свой постъ. См. Кн. Черкасскій, его рѣчи, политическія статьи, воспоминанія о немъ. М. 1879.

XXVI. Изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова.

XXVII. Изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова.

XXVIII. „Русскій Архивъ" 1892 г., кн. I, тетр. 1, стр. 90. Титовъ, Владиміръ Павловичъ, 1807—1890 г., дипломатъ, съ 1843 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ, позднѣе въ Штутгартѣ; нѣкоторое время былъ воспитателемъ сыновей Александра II—вел. князей Николая и Александра; членъ Государств. Совѣта. Въ 30-хъ годахъ, въ Мюнхенѣ, познакомился съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Титовъ всегда горячо интересовался всѣми областями человѣческаго мышленія и знанія, и эта его пытливость ума доходила порой до смѣшного. На это и намекаетъ Тютчевъ въ своей шуткѣ о немъ.

XXIX. „Русскій Архивъ" 1876 г., кн. III, тетр 10, стр. 155.

XXX. Изъ „Біографіи Ѳ. И. Тютчева", сочин. И. С. Аксакова, изд. 1886 г., стр. 235.

XXXI. Изъ рукописной записной книжки Б. А. Козлова.

XXXII. Сообщено кн. С. М. Волконскимъ.

XXXIII. Изъ письма Тютчева къ кн. И. С. Гагарину, изъ Мюнхена отъ 2 мая 1836 г. съ копіи, наход. въ Тютчевск. семейн. архивѣ.

XXXIV. Изъ „Воспоминаній" гр. В. А. Соллогуба. Спб., 1887, стр. 215. Соллогубъ, гр. Владиміръ Александровичъ, 1814—1882 г., писатель (авторъ „Тарантаса"). Блудовъ, гр. Дмитрій Николаевичъ, 1785—1864 г., госуд. дѣятель и писатель; съ 1857 г. членъ Комитета по улучшенію быта крестьянъ, съ 1862 г. предсѣдатель Госуд. Совѣта и Комитета министровъ. Былъ также президентомъ Академіи Наукъ. О литературн. трудахъ гр. Д. Н. Блудова см. „Крит.-біогр. слов." С. А. Венгерова, т. III, стр. 407—416. Ср. „Русскій біографическій словарь". Спб. 1908, стр. 94—98.

XXXV. Изъ неизданныхъ „Записокъ" А. Ѳ. Тютчевой. Тютчевскій семейный архивъ. Тютчева, Анна Ѳеодоровна, 1829—1889 г., старшая дочь

Ѳ. И. отъ его перваго брака; съ 1866 г. замужемъ за И. С. Аксаковымъ. Род. въ Мюнхенѣ, умерла в Сергіевскомъ Посадѣ Моск. губ., погребена на Лаврскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой мужа.

XXXVI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 27 сентября 1840 г. изъ Дрездена. „Старина и Новизна“, т. XVIII, стр. 1.

XXXVII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 26 ноября 1852 г. изъ Петербурга. „Старина и Новизна“, XVIII, стр. 44.

XXXVIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 4 февраля 1853 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XVIII, стр. 46. Въ фразѣ Ѳ. И. Тютчева—непереводимая игра словъ.

XXXIX. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 11 февраля 1853 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XVIII, стр. 48. Марія Александровна, цесаревна, впослѣдствіи императрица, жена Александра II съ 1841 г., дочь вел. герцога Гессенскаго, род. 1824 г., ум. 1880 г.

XL. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 2 сент. 1853 г. изъ Варшавы. „Ст. и Нов.“, XVIII, стр. 51.

XLI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 3 окт. 1853 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XVIII, стр. 55.

XLII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 17 февр. 1854 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, т. XIX, стр. 108.

XLIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 27 іюля 1854 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 126.

XLIV. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 27 іюля 1854 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 126.

XLV. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 21 мая 1855 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 134.

XLVI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 29 мая 1855 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 135.

XLII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 29 іюня 1855 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 140.

XLVIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 15 іюня 1856 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 150. Блудова, гр. Антонина Дмитріевна, 1812—1891 г., дочь графа Д. Н. Блудова, извѣстная своею благотворительною и просвѣтительною дѣятельностью, камеръ-фрейлина. Оставила „Записки“, сотрудничала въ „Странникѣ“, „Зарѣ“, „Русск. Арх.“ и др. изд. См. „Крит.-біогр. словарь“ С. А. Венгерова, III т.; „Русск. Біогр. Слов.“, Спб. 1908.

XLIX. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 31 авг. 1856 г. изъ Москвы. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 159. Северинъ, Дмитрій Петровичъ, 1792—1865 г., дипломатъ, состоялъ въ различныхъ русскихъ посольствахъ заграницей, участникъ Аахенскаго конгресса 1818 г.

L. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 25 мая 1857 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 164.

LI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 1 іюня 1857 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 164.

LII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 29 мая 1858 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 169. Тума, Эммануилъ, чехъ—камердинеръ, прослужившій 53 года въ семьѣ Тютчевыхъ. Ум. въ Петербургѣ въ 1886 г., 84 лѣтъ отъ роду.

LIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 6 іюля 1858 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 178.

LIV. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 23 іюля 1858 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 180.

LV. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 25 сент. 1858 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XIX, стр. 190.

LVI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 24 окт. 1859 г. изъ Берлина. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 172.

LVII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 7 іюля 1860 г. изъ Висбадена. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 178.

LVIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 19 мая 1863 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 198.

LIX. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 21 августа 1863 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 210. Константинъ Николаевичъ, вел. князь, 1827—1892 г., второй сынъ Николая I, ген.-адмиралъ. Въ 1861 г. намѣстникъ Царства Польскаго; держался примирительной политики. Считался представителемъ либеральнаго направленія среди членовъ царской фамиліи. Каламбуръ Тютчева непереводимъ: онъ основанъ на созвучіи словъ coi (тихій, спокойный) и мѣстоименія quoi.

LX. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 12 января 1866 г. изъ Москвы. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 223. Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ. 1823—1886 г., извѣстный славянофилъ, публицистъ. Былъ женатъ (съ 1866 г.) на старшей дочери Ѳ. И. Тютчева—Аннѣ Ѳеодоровнѣ.

LXI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 31 іюля 1866 г. изъ Царск. Села. „Ст. и Нов., XXI, стр. 230.

LXII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 11 авг. 1866 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 232. Шенье, Андре де, 1762—1794 г., французскій лирическій поэтъ, погибъ, какъ извѣстно, на гильотинѣ, во время революціи. Стихъ, цитируемый Ѳ. И. Тютчевымъ, взятъ изъ стихотворенія „La jeune captive“.

LXIII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 17 авг. 1867 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XXI, стр. 240.

LXIV. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 19 іюля 1868 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.“, XXII, стр. 249.

LXV. Ненапечатанный отрывокъ изъ письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 30 (?) августа 1868 г. изъ Москвы. Семейный архивъ.

LXVI. Ненапечатанный отрывокъ изъ письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ [?] сентября 1868 г. Семейный архивъ. Тютчевъ, Дмитрій Ѳеодоровичъ, 1841—1870 г., старшій сынъ Ѳ. И. отъ его второго брака. Былъ женатъ (съ 1868 г.) на О. А. Мельниковой (1830—1913 г.). Ум. въ Петербургѣ, погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

LXVII. Отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ [?] ноября 1868 г. Семейный архивъ.

LXVIII. Отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ осенью 1868 г.

LXIX. Отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ іюля 1869 г. изъ Москвы. Семейный архивъ. Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, 1810—1882 г., другъ Пушкина, Гоголя и Жуковскаго. Оставила обширную переписку и „Записки". Самаринъ, Юрій Ѳеодоровичъ, 1819—1876 г., извѣстный славянофилъ, общественный дѣятель и писатель (авторъ „Окраины Россіи" и проч.).

LXX. Отрывокъ изъ ненапечатаннаго письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ 1869 г. Семейный архивъ.

LXXI. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 14 сент. 1871 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.", кн. XXII, стр. 275.

LXXII. Письмо Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ отъ 14 сент. 1871 г. изъ Петербурга. „Ст. и Нов.", XXII, стр. 275.

LXXIII—LXXVIII. Отрывки изъ писємъ Ѳ. И. Тютчева къ дочери его Ек. Ѳ. Тютчевой, 1868, 1869. Цитируется по копіи. Ненапечатано. (Семейн. архивъ Тютчевыхъ.) Кюстинъ, маркизъ Адольфъ де, 1790—1851 г., французскій писатель и путешественникъ (его „La Russie en 1839" и др.). Николай Нѣгошъ, князь черногорскій съ 1860 г. Род. въ 1841 г. Извѣстенъ также какъ поэтъ.

LXXIX. Изъ неизданнаго письма И. С. Аксакова къ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой отъ 3 января 1873 года изъ Петербурга. Семейный архивъ Тютчевыхъ.

LXXX. По семейному преданію—со словъ Дарьи Ѳеодоровны Тютчевой.

LXXXI. Изъ неизданнаго письма Э. Ѳ. Тютчевой къ бар. Карлу Пфеффелю изъ Петербурга отъ 13/25 ноября 1861 г.: „Mon mari en voyant quelques uns de ces vieux imbéciles encore actuellement en possession de leurs places disait l'autre jour, qu'ils lui faisaient l'effet des cheveux et des ongles des morts, qui continuent de croitre encore quelque temps après l'ensevelissement dans la tombe". (Сем. арх. Тютчевыхъ.)

LXXXII. Изъ біографіи Ѳ. И. Тютчева, написанной И. С. Аксаковымъ М. 1886. Стр. 316.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ СБОРНИКА

«ФЕНИКС».

I. Стихотворения Ф. И. Тютчева, Александра Блока, Анны Ахматовой и Федора Сологуба.

II. Рассказы и повести Бориса Зайцева, Георгия Чулкова, Виктора Мозалевского, Николая Архипова и др.

III. Статьи Николая Бердяева, Павла Флоренского, Л. П. Корсавина, Б. П. Вышеславцева, Модеста Гофмана и др.

IV. Историко-литературн. материалы. Письма Ф. И. Тютчева, Александра Блока и др.

V. Библиография — при участии М. А. Цявловского, Леонида Гроссмана, Б. А. Грифцова, Михаила Пришвина и др.